

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ
И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

ТРАКТОВКА ЗАКОНА В РОССИЙСКОЙ ЮРИСПРУДЕНЦИИ
НАЧАЛА XIX И НАЧАЛА XXI вв.
(Сравнительный анализ)

© 2010 г. Елена Геннадьевна Лукьянова¹

Краткая аннотация: в статье с использованием сравнительного анализа исследованы представления о законе, господствующие в российской теоретической юриспруденции начала XIX и начала XXI вв. Показаны гносеологические основы, идейная и познавательная ценность, практическая значимость этих воззрений на закон.

Annotation: in article with use of the comparative analysis representations about the law dominating in the Russian theoretical jurisprudence in the beginning XIX and in the beginning of the XXI-st centuries are investigated. Gnoseological bases, ideological and informative value, the practical importance of views on the law.

Ключевые слова: закон, учения о законе, сущность закона, русское законоведение, волюнтаризм, закон как воля.

Key words: the law, doctrines about the law, essence of the law, Russian jurisprudence, voluntarism, the law as will.

Начало XIX в. стало для русского общества временем перемен. В этот период пробуждается общественное сознание, оживляется духовное и интеллектуальное развитие, на фоне которого формируется русское теоретическое законоведение. Среди ученых, стоявших у его истоков, – З.А. Горюшкин, Л.А. Цветаев, А.П. Куницын, М.М. Сперанский. Взгляды их представляют различные течения в русском законоведении начала XIX в., но вместе с тем характеризуются и общностью.

З.А. Горюшкин – один из первых русских преподавателей юриспруденции в Московском университете. Он справедливо причисляется к основателям русского законоведения². З.А. Горюшкин употребляет понятие “закон” в узком смысле, под которым предлагает понимать “все те постановления, которые ни в какое время не могут перемениваться”³, в отличие от указов, учреждений, могущих иметь временный и случайный характер.

“Законы суть особенные и точные установления законоположника” – того, что народ почитает за необходимое, цитирует З.А. Горюшкин “Наказ” Екатерины II⁴. Закон устанавливает права – возможности что-либо делать.

Формальный источник закона – монарх, законоположник. Однако основанием своим законы, по З.А. Горюшкину, должны иметь “народное умствование” – “оное вообще есть такое действие, посредством которого выводятся одни истины из других, по необходимой причине заключения; и притом истинами называют такие предположения, которые содержат в себе существо и естество понимаемых вещей; то по сему и законы не что иное должны быть как истины, выведенные из существа и естества” вещей, господствующих над человеком⁵. В словах З.А. Горюшкина ясно видна мысль, что закон – не произвольное решение законодателя, закон объективен; закон – истина, выведенная из существа вещей – начал разума и объективных факторов; закон постоянен и неизменен.

С 1804 г. в Московском университете теорию законов преподает Л.А. Цветаев. Закон у Л.А. Цветаева “есть правило действий и отношений между собой”⁶. В этом широком аспекте закон выступает, говоря современным языком, атрибутом бытия – все в мире физическом и нравственном находится

¹ Старший научный сотрудник сектора теории права и государства Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, доцент (E-mail: lukelena@mail.ru; тел.: (495) 691-34-90).

² В конце XVIII в. преподавателями юридического факультета Московского университета были в основном немцы. З.А. Горюшкина пригласили в Московский университет в 1786 г. преподавать практическое законоведение. Однако З.А. Горюшкин проявил себя и как талантливый теоретик в работе “Руководство к познанию российского законоискусства” (1811) (см.: Коркунов Н.М. З.А. Горюшкин – российский законоискусник // Журнал Министерства юстиции. 1895. № 7. С. 109, 110).

³ Горюшкин З.А. Руководство к познанию российского законоискусства. Т. 1. СПб., 1811. С. 75.

⁴ Там же. С. 5.

⁵ Там же. С. 7, 9.

⁶ Цветаев Л. Начертание теории законов. М., 1816. С. 35.

под законом, трактуемым как необходимость, закономерность.

Законы, по Л.А. Цветаеву, бывают нравоучительные и судебные. Законы судебные, а точнее – юридические “все вообще суть или положительные, или естественные”⁷. Основание всех законов и положительных, и естественных, и нравоучительных едино – нравственный закон, начертанный в совести: поступай так, чтобы правило твоих поступков могло послужить законом для всех тебе подобных⁸. Цель закона – нравственное добро, состоящее в согласии воли с нравоучительным законом. Под защитой таких законов граждане могут быть истинно свободны и истинно равны⁹.

Основание, цель, начало всех законов едино, “но предметы различны”¹⁰, поэтому у разных народов законы различные. В этой связи, пишет Л.А. Цветаев, следуя Ш. Монтескье, законы должны сообразовываться “с господствующей религией, с образом правления, с обычаями народа, с нравами его и степенью просвещения, с климатом, положением и пространством земли, числом жителей и, наконец, с обычаями и духом своего века”¹¹. Соответствием указанным факторам определяется “доброта”, т.е. качество законов. Л.А. Цветаевым высказаны весьма глубокие и обоснованные для начала XIX в. рекомендации относительно разработки закона, обеспечения его “доброты”.

Во взглядах Л.А. Цветаева, испытавших влияние философских идей И. Канта, просматривается складывающаяся особенность русского правового мировоззрения: трактовка юридического закона не как самостоятельного социального явления и тем более не противопоставленного нравственности, а как части, вида нравственного закона.

Начало XIX в. – время широкого распространения в обществе либеральных взглядов. Либеральные умонастроения не были чужды и Екатерине II¹², а в начале царствования ее внука либеральные идеи овладевают умами значительного круга русской общественности, и предпринимаются попытки их политико-правового и философского обоснования и развития. На поприще юриспруденции большая заслуга в развитии философской основы либерализма принадлежит профессору Царскосельского лицея А.П. Куницы-

ну. Его воззрения даже на фоне такого небывалого для России распространения либеральных взглядов выглядят ярко: “Каждый человек внутренне свободен и зависит только от законов разума, а посему другие люди не должны употреблять его средством для своих целей... Кто нарушает свободу другого, тот поступает против его природы...”; “Внешняя свобода человека ограничивается только свободой других людей, ибо несправедливым в юридическом смысле только то называется, что внешнюю свободу других людей нарушает”¹³.

Известно, что философское учение о праве А.П. Куницына написано под сильным и явным влиянием философии И. Канта. Однако нельзя отрицать его высокую, и не только для своего времени, идейную ценность и определенную глубину мысли. Работа А.П. Куницына “Право естественное” является своеобразным показателем уровня духовного развития русского общества в начале XIX в.

А.П. Куницын различает право естественное и право положительное, однако “при определении законов положительных главным руководством служит начало права естественного”¹⁴. “Право естественное, – пишет ученый, – есть наука прав или совокупность условий, при которых внешняя свобода людей существовать может”¹⁵. Естественное право – составная часть нравоучения, потому юридические законы – это и нравственные законы в широком смысле: все юридические должности (обязанности) суть также и нравственные, но не все нравственные должности суть юридические¹⁶. Подобно Л.А. Цветаеву, А.П. Куницын трактует право как часть нравственности, единого этического порядка.

Глубокими и ценными для последующего развития правовой мысли в России являются воззрения А.П. Куницына на закон: “Слово Закон по своему производству означает преграду, далее которой что-либо простираться не должно или не может”¹⁷. Закон, таким образом, показывает границы, в пределах которых может существовать свобода человека и нарушение которых связано с нарушением свободы других лиц.

Вместе с тем границы свободы выступают как необходимые: “В переносном смысле закон есть положение, выражающее необходимость, по кото-

⁷ Там же. С. 37.

⁸ См.: там же. С. 44.

⁹ См.: там же. С. 47.

¹⁰ Там же. С. 55.

¹¹ Там же. С. 50.

¹² Подробнее см.: *Леонтович В.В.* История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 27 и др.

¹³ *Куницын А.П.* О человеке и праве // Русская философия права: философия веры и нравственности. Антология. СПб., 1997. С.54.

¹⁴ Там же. С. 51.

¹⁵ Там же. С. 50.

¹⁶ См.: там же. С. 53.

¹⁷ Там же.

рой что-либо случается или случиться должно”¹⁸. Но данная мысль А.П. Куницына выражена непосредственно и не получила в его работе развернутого объяснения. Необходимость, выражаемая законом, у него внутренняя, в отличие от физической, носит нравственный характер – это преграда, которую разум ставит желаниям, предписывая воле правила в соответствии с категорическим императивом. Физическая необходимость – сила внешняя, управляющая вещами и их действиями. Эти идеи о законе как нравственной необходимости высказаны А.П. Куницыным в духе кантовского рационализма и субъективного идеализма. Однако ранее А.П. Куницын, говоря о естественном праве, отмечает, что оно охватывает права и обязанности, вытекающие из природы самого человека и из природы отношений, в которых люди находятся¹⁹. Следовательно, закон – не только нравственная необходимость, вытекающая из духовной природы человека, но и объективная – вытекающая из природы человеческих отношений.

Тесно связано с развитием либерализма в России имя М.М. Сперанского, в своих первых работах²⁰, написанных в начале XIX в., рассуждавшего с точки зрения рационалистических постулатов в духе естественно-правовых воззрений европейских мыслителей: “Общий предмет всех законов есть учредить отношения людей к общей безопасности лиц и имуществ”, “законы существуют для пользы и безопасности людей, им подвластных”²¹, причем все они ограничивают отдельную и естественную свободу человека и приводят ее в совместность со свободой других²².

Однако польза и безопасность суть понятия неопределенные, подверженные разным изменениям, а государство должно быть устроено на началах постоянных и неподвижных – таковыми являются государственные коренные законы (основные законы), которые – начала “положительные, постоянные, неподвижные, с которыми все другие законы могли быть соображаемы”²³. В наличии таких начал М.М. Сперанский видит гарантию против злоупотреблений со стороны органов

законодательной власти (лиц, причастных к ней) и правовой характер государственности²⁴.

Руководствуясь в своих планах государственных преобразований идеей разделения властей, М.М. Сперанский проводит различие между законом – актом законодательной деятельности и учреждением (регламентом) – актом исполнительной власти. “Закон имеет предметом отношения постоянные и непрменяемые. Учреждения простираются на действия и происшествия, непрестанной перемене подлежащие”²⁵. Разделение всех актов государства на законы и подзаконные акты связано с определением предмета закона, т.е. материального признака, который М.М. Сперанский ясно очерчивает, и формальных признаков, заключающихся в определении органов и процедур принятия закона.

М.М. Сперанский – последовательный противник волюнтаризма в законодательствовании. Еще в 1802 г. он писал, что “рабство политическое есть, когда воля одного или многих составляет закон всех”²⁶.

Для формирования целостной картины развития русского законовещения в начале XIX в. нельзя не упомянуть имя историка Н.М. Карамзина – одного из первых в России мыслителей, твердо и убежденно отстаивавшего исторический и догматический подходы к законовещению, впоследствии частично воспринятые М.М. Сперанским, по крайней мере в его практической деятельности по систематизации российского законодательства.

Идеи Н.М. Карамзина, высказанные в работе “Записка о древней и новой России” (181), написанной независимо и несколькими годами ранее работы Савиньи “О призвании нашего времени в отношении к законодательству и законовещению”, поразительно совпадают с идеями основоположника исторической школы права²⁷. Суть этих идей: “Законы народа должны быть извлечены из его собственных понятий, нравов, обыкновений, местных обстоятельств. Для старого народа не надобно новых законов...”²⁸.

Н.М. Карамзин остался, пожалуй, единственным последовательным сторонником исторического и органического методов в законовещении

¹⁸ Там же. С. 54.

¹⁹ См.: там же. С. 49.

²⁰ Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России. Докладная записка “Введение к уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования)”.

²¹ Сперанский М.М. Введение к Уложению государственных законов (План всеобщего государственного образования) // В кн.: Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 335, 336.

²² См.: там же. С. 357.

²³ Там же. С. 336.

²⁴ См.: Леонтович В.В. Указ. соч. С. 70.

²⁵ Сперанский М.М. Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России // В кн.: Руководство к познанию законов. С. 287.

²⁶ Сперанский М.М. Еще нечто о свободе и рабстве // В кн.: Руководство к познанию законов. С. 269.

²⁷ Подробнее см.: Леонтович В.В. Указ. соч. С. 123 и сл.

²⁸ Карамзин Н.М. О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // В кн.: История государства Российского. Кн. 4. Ростов-н/Д., 1995. С. 520, 521.

нии начала XIX в., будучи при этом историком. Собственно же теоретическая законоведческая мысль России устраивалась на иных позициях и пользовалась историческим методом только как вспомогательным.

Начало XIX в. – пора рождения русского законоведения – представляет нам учения о законе, характеризующиеся немалой для своего времени идеологической и познавательной ценностью, значимостью для духовного и политического развития России. О многом говорит только один перечень вопросов, исследованных в работах русских законоведов этого периода. В поле зрения находились многие вопросы теории и философии закона: сущности и понятия закона, его содержания, основ, источников, цели, свойств, исторической и социальной обусловленности законов, связи с иными видами законов – физическими, нравственными, божественными. Исследовались вопросы разработки законов, процедур, юридической техники (формальные признаки закона), соотношения закона и подзаконных актов, в рамках которых предпринимались попытки определения предмета закона (материальные признаки). Прямое и косвенное внимание уделялось одной из наиболее злободневных проблем нынешнего времени – вопросу гарантий от злоупотребления органов законодательной власти, обеспечения ответственности принимаемых органами законодательной власти актов существу закона.

Идейная ценность учений о законе начала XIX в. обусловлена материальным (сущностно-содержательным) характером исследования и трактовки закона (естественно-правовым). Сквозная черта всех учений о законе – мысль о непроизвольности закона, его относительном постоянстве и неизменности, т.е. об ограниченности органов законодательной власти высшими принципами. Российские законоведы пытались проникнуть в сущность явления, называемого законом, вскрыть его глубинные неизменные начала, формальные моменты пока еще уходят на второй план. Потому и гносеологическую основу учений составили преимущественно метафизика и идеализм. Об идеологической ценности свидетельствует в целом естественно-правовой, в версии идеалистической метафизики (в русском законоведении нет противопоставления естественного и позитивного законов), и либеральный характер учений.

Русское теоретическое законоведение развивалось в тесной связи с европейскими философскими и политико-правовыми учениями конца XVIII – начала XIX вв. (догматического рационализма, утилитаризма, субъективного и объек-

тивного идеализма, социологизма и историзма, естественно-правовой теории), находилось под их сильным влиянием, в особенности немецкой философии. Но нельзя отказать ему в складывающейся оригинальности, каковой выступила нравственно-религиозная трактовка сущности закона, наиболее полно проявившаяся в 30-е годы в философско-правовых воззрениях М.М. Сперанского и К.А. Неволлина, когда ключевой, сущностной в истолковании закона в русской юриспруденции становится категория правды, обнимающая собой справедливость, истину, добро.

* * *

В начале XXI в., так же как и в начале XIX в., российское общество находится в движении. Изменилось ли состояние умов, в частности представлений о законе, в российской теоретической юриспруденции в начале XXI в.?

Прежде всего следует констатировать, что современная отечественная юриспруденция не представляет нам никакого более или менее целостного учения о законе. Во взглядах отдельных ученых на закон можно выделить главную линию – унаследованную от тоталитаризма позитивистско-волюнтаристскую (формальную, авторитарную, релятивную) трактовку закона. Позитивистско-волюнтаристская интерпретация закона – неизбежное следствие эволюции советской позитивистской юриспруденции, базирующейся на методологии позитивизма и отталкивающейся в трактовке закона (и права) от понятия воли (произвола) того или иного субъекта (класса, народа, правителя, законодательного органа и пр.). Результатом позитивистско-волюнтаристского подхода к исследованию закона, фокусировавшего внимание на внешних признаках явления и отрицавшего познание сущностей, стала крайняя формализация понятия “закон”. Закон лишился своей сущности, стал началом формальным и следовательно, релятивным.

Так, в большинстве современных учебных и научных источников закон трактуется как “принимаемый в особом порядке и обладающий высшей юридической силой нормативно-правовой акт, выражающий государственную волю по ключевым вопросам общественной жизни”²⁹. Несколь-

²⁹ Общая теория права и государства / Под ред. В.В. Лазарева. М., 2003. С. 178. Аналогичные трактовки закона как акта государства, обладающего определенными формальными признаками и содержащего правила поведения, выражающие государственную волю, см.: Теория государства и права / Под ред. О.В. Мартышина. М., 2007, С. 267, 289, 290; Теория государства и права / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. М., 2000. С. 313, 334, 335.

ко иначе полагает С.В. Бошно. У нее правовой акт “выражает волю определенной социальной общности”. При этом “демократизм общества, государства и права является деятельностью характеристикой, отражающей колебания в содержании нормативно-правового акта: от воли одного лица до воли всех людей”³⁰. М.Н. Марченко, разделяя в целом сложившееся представление о законе, основную проблему, возникающую в процессе определения его понятия, видит в том, “что в должной мере не учитывается исторический характер самих юридических законов, эволюция их понятия, сущности и содержания”. При этом главная – сущностная и содержательная сторона закона, по мнению М.Н. Марченко, связана с ответами на вопросы типа: чьи интересы и ценности отражает и защищает тот или иной закон? Интересы каких слоев общества он обслуживает?³¹.

В современной отечественной теоретической юриспруденции развивается иное научное направление, заметное и прогрессивное, – либертарно-юридическая теория права. Освободив понятие права от оков волюнтаризма и наполнив его ценностным (сущностным) содержанием, основатели либертарно-юридической теории, однако, не пошли далее в сущностном понимании закона. Ведя речь о правовом и противоправном (правонарушающем) законе³², либертариисты, оставаясь на позитивистско-волюнтаристских позициях в трактовке закона, отводят ему лишь роль формы. Форма явления, особенно в отрыве от сущности, может быть любой. Потому закон у В.С. Нерсесянца – все то, что официально наделено в данное время и в данном месте властно-принудительной силой³³. Более того, назвав позитивистско-волюнтаристскую теорию права легизмом (*lex* – закон), В.С. Нерсесянец подытожил продолжающуюся со второй половины XIX в. формализацию понятия закона.

Современная литература пестрит разными пожеланиями в адрес закона: закон должен быть стабильным, закон должен быть качественным, закон должен отражать общественные интересы и пр., оставаясь при этом на позициях формально-волюнтаристской методологии. А почему закон должен быть стабильным, если он есть

выражение государственной воли? В рамках такой научной трактовки закон должен быть не чем иным, как только выражением государственной воли. Воля может быть стабильной и нестабильной, разумной и безрассудной. Она может быть любой.

С точки зрения формального подхода (позитивистского) мы можем характеризовать явление разными эпитетами: оно может быть таким или иным. Закон может быть правовым и противоправным, суд может быть справедливым и несправедливым. Но на вопрос, почему явление должно быть именно таким, в рамках формального подхода (позитивистской методологии), не может быть дан ответ. Сущностный подход к познанию явлений в эпитетах не нуждается. Здесь закон – просто закон, суд – просто суд. При этом сущность явлений не изменяется и не эволюционирует. Закон всегда и везде закон. Неправовой, несправедливый акт государства – это не закон, а беззаконие.

Позитивистско-волюнтаристская трактовка закона, в методологических основах непоследовательная и противоречивая, в познавательном и идеологическом аспектах не имеет ценности, и даже, напротив, закон здесь лишается разумной определенности и устойчивости, уникальности. Понятием закона могут охватываться по существу совершенно разные, и даже противоположные явления – от *Habeas Corpus Act* до нюрнбергских расовых законов³⁴. Вопрос о том, что есть беззаконие, в этом случае теряет всякий смысл. В рамках позитивистско-волюнтаристского понимания не может быть поставлен вопрос о целесообразности закона, направленности его на определенный результат.

Теоретические следствия сами по себе не так опасны, опасны практические результаты, к которым ведет волюнтаристское понимание закона.

Позитивистско-волюнтаристская трактовка закона фактически развязывает руки законодателю (органам законодательной власти и лицам, в них занятым) и приводит к последствиям двоякого рода. Во-первых, интерпретация закона как выражения воли государственной власти порождает так называемый законодательный романтизм, необоснованную веру во всемогущество закона, его созидательное, творческое значение, ключевую роль в деле переустройства общества. Закон рассматривается как орудие прогресса, быстро-

³⁰ Бошно С.В. Формы российского права. М., 2004. С. 241.

³¹ См.: Марченко М.Н. Источники права. М., 2005. С. 120, 124.

³² См.: Нерсесянц В.С. Философия права. М., 2003. С. 36; Четвернин В.А. Введение в курс общей теории права и государства. М., 2003. С. 18.

³³ См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2004. С. 28.

³⁴ Например, законы, принятые по инициативе А. Гитлера: “Закон о гражданстве рейха” и “Закон об охране германской крови и германской чести”.

действующее лекарство от всех общественных болезней. Очевидно, чем чревато такое преувеличение роли закона. Законы принимают не боги, а люди, сегодня даже непрофессионалы. Бездумное, неограниченное умножение количества законов, принимаемых по любому поводу (чему способствует относительно простая процедура), вместо устранения социальных дисфункций порождает новые, вместо гарантирования и защиты свободы, самостоятельности людей в их деятельности связывает руки. Между тем закон – это последнее средство врачевания общественной болезни, используемое лишь в случае, если не помогли иные. И это средство – не продукт человеческой воли. Оно, как минимум, объективно обусловлено характером дисфункции, на лечение и устранение которой направлено.

Позитивистско-волюнтаристская интерпретация закона способствует оправданию использования закона как средства проведения партикулярных, корыстных интересов, интересов лиц, занятых в государственном аппарате, лиц, оказывающих влияние на деятельность государственных органов, неправовых и пр. интересов общества, иными словами как средства проведения любых по содержанию решений. По существу, допускает поспорию истины и справедливости, обосновывает беззаконие. Из орудия обеспечения стабильности, устойчивости развития общества, защиты свободы людей и справедливости закон в его волюнтаристской трактовке превращается в свою противоположность – средство дестабилизации общественного развития, ограничения и поспорию свободы людей.

* * *

Во всей богатой и красочной палитре учений о законе, сформировавшихся в истории правовой мысли, воззрения на закон, господствующие в отечественной юриспруденции в начале XIX и в начале XXI вв. представляют крайние цвета. Учения начала XIX в., в гносеологических основах метафизические, исходят из сущностной, материальной трактовки закона. Воззрения начала XXI в., в основе своей позитивистские, исходят из формальной и волюнтаристской интерпретации. В начале XIX в. закон – нечто постоянное и неизменное, воплощающее нравственную идею, в начале XXI века закон – явление релятивное, пустая форма, наполняемая любым содержанием. Два столетия назад закон осмысливается через идеи справедливости, истины (правды), сегодня закон воспринимается как воля сильного.

Последовательные материалисты и позитивисты характер и содержание учений объясняют вызвавшей их исторической обстановкой, состоянием реальной среды, в которой эти учения сформировались и получили распространение. Идеи здесь выступают как продукты совокупности различных данных исторической жизни. Приверженцы идеалистического взгляда, напротив, в историческом развитии видят воплощение идей, движение человеческого сознания. Где сознание остановилось на известной точке, там и жизнь остается неподвижной. “История управляется идеями и объясняется только ими”, писал Б.Н. Чичерин³⁵.

Реальная обстановка, в которой происходит становление русского законодательства в начале XIX в., совсем не радужная. Исследователь русской жизни того периода Н.Ф. Дубровин пишет: “Тогдашняя Россия состояла из отдельных сословий, не связанных между собой ни общими интересами, ни общей жизнью и часто враждебных друг другу”³⁶. “Правительство и народ в широком значении этого слова взаимно не сливались и не шли вместе к общей цели: администрация не признавала себя созданной для народа, а народ смотрел враждебно на каждого власть имеющего и его гнетущего ... была масса чиновников, безграмотных и невежественных, но правительства в смысле стройной и твердой силы тогда не было, не было власти, объединяющей и скрепляющей...”³⁷.

“Право сильного давало себя знать всюду”³⁸. Законы и указы оказывались в лучшем случае недействующими, в худшем – возбуждали враждебное к себе отношение и еще большую разнь между подданными.

Аналогичную картину обрисовал другой исследователь русской действительности начала XIX в. – историограф Н.М. Карамзин: “Каковы ныне большею частью губернаторы? Люди без способностей и дают всякую неправду наживать секретарям своим или без совести и сами наживаются. Не выезжая из Москвы, мы знаем, что такой-то губернии начальник – глупец и весьма давно! В такой-то – грабитель и весьма давно! Слухом земля полнится, а министры не знают того или знать не хотят”³⁹.

³⁵ Чичерин Б.Н. Наука и религия. М., 1999. С. 146.

³⁶ Дубровин Н.Ф. Русская жизнь в начале XIX века // Русская старина. 1899. № 1 (Январь). С. 3.

³⁷ Там же. С. 4.

³⁸ Там же.

³⁹ Карамзин Н.М. Указ. соч. С. 524.

Историк пытался объяснить сложившуюся реальность: «Одно из важнейших государственных зол нашего времени есть бесстрашие. Везде грабят, а кто наказан? Не так легко уличить искусного вора-судью, особенно с нашим законом, по коему взятокбратель и взятодатель одинаково равно наказываются. Указывают пальцем на грабителей и дают им чины, ленты... А сии недостойные чиновники в надежде на своих, подобных им, защитников в Петербурге беззаконствуют, смело презирая стыд и доброе имя, коего они условно лишились; в два или три года наживают по

нескольку сот тысяч и, не имев прежде ничего, покупают деревни»⁴⁰.

Такова реальная среда, в условиях которой происходило становление русского законовещения. Вряд ли кто станет спорить с выводом, что характер учений о законе начала XIX в. достаточно трудно объяснить одной лишь исторической обстановкой, их породившей. Но, может быть, современные взгляды на закон объясняются нынешней российской действительностью, хорошо известной каждому?

⁴⁰ Там же. С. 525.